

Небо за окном неумолимо светлело. Цао Аню пришлось растолкать спящего Цзыхуаня — какие бы потрясения ни принесла ночь, утренний визит к родителям был незыблемым долгом. Мелочь, казалось бы, но пренебреги ею хоть раз — и в руках недоброжелателей окажется весомый повод для обвинений.

Цао Пи потер заспанные глаза и взглянул на старшего брата с явным нежеланием покидать постель. Однако, окончательно придя в себя, он тут же вскочил.

— Старший брат, неужели я проспал время поклона? — в его голосе просквозила тревога.

Цао Ан ласково похлопал его по спине, успокаивая.

— Нет, ещё рано. Живо вставай, умойся холодной водой и сделай компресс на глаза, чтобы отец не вздумал журить тебя за вялый вид.

— Слушаюсь.

Цзыхуань проворно оделся и кликнул служанок. После тщательных сборов он выглядел вполне бодро.

Цао Ан еще раз внимательно оглядел брата и, не найдя изъянов, повел его в главный зал.

Утренняя церемония шла своим чередом. Цао Пи невозмутимо отвечал на вопросы отца, лишь краем глаза поглядывая на маленького Цао Чжи, которого баюкала его родная мать, госпожа Бянь. Когда с формальностями было покончено, он негромко спросил:

— Отец, А-Чжи выглядит неважно. Неужели брат занемог?

Цао Цао небрежно махнул рукой.

— Пустяки. Вчера он попал под дождь. Твой брат ещё мал и слаб телом, вот и простудился. Через пару дней всё пройдет. Будет время — навещай его чаще, не оставляй мать одну с этими заботами.

— Слушаюсь, отец, я запомню.

Цао Пи послушно склонил голову, но его взгляд всё ещё был прикован к госпоже Бянь. Увы, та видела перед собой только младшего сына и никак не отреагировала на слова Цзыхуаня. Тот лишь едва заметно улыбнулся и перевел взор на Цао Аня, стоявшего подле госпожи Дин.

Словно вспомнив о чём-то важном, Цао Ан обратился к отцу:

— Отец, вчера в Поместье Цао проник убийца.

Цао Цао, собиравшийся отхлебнуть чая, замер.

— Что? Лазутчик?

Госпожа Бянь, до того сидевшая с опущенной головой, вскинула взгляд. В её глазах промелькнуло нечто сложное и нечитаемое.

— Именно так. К счастью, никто не пострадал. Я велел связать его и запереть в дровяном сарае до твоего распоряжения.

Получив подтверждение, Цао Цао помрачнел. Он с силой поставил чашку на стол и жестом велел супругам удалиться.

— Веди его сюда! Я хочу лично видеть наглеца, решившего, что ему всё сойдет с рук!

Цао Пи, стоявший в стороне, невольно ощутил робость перед отцом, но внешне остался непоколебим. Он лишь плотно сжал губы, ожидая появления пленника.

Вскоре Цао Ан вернулся в залу. Шаг его был быстр, а лицо — темнее тучи.

Цао Цао вскинул брови:

— Ну? Где он? Сбежал?

Цао Ан покачал головой:

— Мёртв. Покончил с собой.

К удивлению присутствующих, гнев Цао Цао мгновенно утих. Он снова взял чашку и сделал глоток.

— Что ж, по крайней мере, он понимал, что делает. Тот, кто решается на подобные низости в моём доме, должен быть готов нести ответственность. Как ты его обнаружил?

— Вчера я засиделся допоздна. Убийца пробрался в мою комнату, где и был схвачен. Полагаю... он метил в тебя, отец, но просто перепутал двери.

— Хм, резонно. Ладно, вели выкинуть падаль и зарыть где-нибудь. И пусть охрана в Поместье Цао удвоит бдительность.

— Ты не намерен провести расследование, отец?

Приняв позу поудобнее, Цао Цао хмыкнул:

— А ты считаешь, в этом есть нужда?

Цао Ан на мгновение задумался и осторожно произнес:

— Нынче лишь братья Юань осмеливаются бросать тебе вызов.

Цао Цао удовлетворенно кивнул, на его губах заиграла тень улыбки.

— Ступай.

Выйдя на крыльцо, Цао Ан заметил, что лицо брата всё ещё напряжено.

— Цао Пи, отчего ты так мрачен? Неужели всё ещё витаешь в облаках? — поддел он его.

Цао Пи поднял глаза на брата.

— Старший брат, ты и вправду веришь, что убийца ошибся дверью?

— Что такое? Ты полагаешь, я не был до конца честен с отцом?

Цао Пи серьезно кивнул.

— Отец не привык размениваться на мелочи и вникать в детали, но ты, брат, наверняка что-то заметил.

Цао Ан легонько щелкнул его по лбу.

— А ты проницателен. Верно, тот человек шел именно за мной. Братья Юань кичатся своим благородством и вряд ли опустились бы до столь жалких методов. Но даже если бы они решились на покушение, то действовали бы осмотрительнее: не послали бы одного-

единственного неумеху. К тому же, смерть его подозрительна. Если он хотел убить себя, почему не сделал этого в момент поимки, а дождался, пока его запрут?

— Хочешь сказать, кто-то помог ему уйти из жизни, обставив всё как самоубийство?

— Возможно. Однако... — Цао Ан наклонился к брату и тепло улыбнулся. — Я не хочу знать, чьих это рук дело.

Цао Пи опустил голову, скрывая нахлынувшую благодарность, и прикинулся простаком:

— Тогда зачем ты упомянул братьев Юань?

Цао Ан медленно зашагал по дорожке, заложив руки за спину.

— Рано или поздно отцу предстоит сойтись с ними в решающей битве. В его глазах они — враги номер один. Я лишь сказал то, что он хотел услышать. Порой людям не нужна истина, им нужно лишь подтверждение собственных догадок.

Он обернулся и испытующе посмотрел на Цзыхуаня:

— Разве ты думаешь иначе? Почему же ты сам не высказал своих соображений в зале?

Цао Пи подошел к брату и робко потянул его за рукав.

— Если бы я заговорил, отец счел бы тебя нерадивым. Да и к чему спорить, раз вы оба уже всё решили?

Цао Ан с удовольствием потрепал его по волосам.

— Мудро. Пойдем завтракать.

Утро сменилось занятиями. Всё шло своим чередом — размеренно и немного скучно. Цао Пи давно привык к такому распорядку: в свободные минуты он набрасывал стихи или расспрашивал брата о вещах, которые его занимали. Так незаметно пролетело время до полудня.

Цао Цао в сопровождении Сяхоу Дуня обходил тренировочное поле. Глядя на выучку воинов, он довольно рассмеялся:

— Юаньжан, ты мастерски правишь войсками! Моё сердце радуется.

— Мэн Дэ, вечно ты надо мной подтруниваешь, — отозвался Сяхоу Дунь. Он был человеком прямым и похвалы переносил с трудом, вечно стараясь отшутиться. — Я всего лишь муштрую этих желторотых юнцов.

— Э нет, — Цао Цао хлопнул его по плечу. — Не смей называть братьев Сяхоу бесполезными. Скоро мы выступим на Лоян, и мне понадобится твоя твердая рука.

— Это мой долг.

— Ха-ха! Люблю я твою прямоту.

Цао Цао широко улыбнулся, глядя на стройные ряды солдат, но внезапно веселье сошло с его лица.

— Юаньжан, скажи мне... не чуешь ли ты беды? Почему-то у меня сегодня беспокойно на душе.

— Ты слишком много думаешь, вот и нет покоя. То ли дело я: весь день мысли только о муштре, еде да сне. Всё просто.

Цао Цао шутливо погрозил ему пальцем.

— Кабы все были такими, я бы спал беспробудно. Ты понятен, надежен и в бою силен. Таких я ценю.

Сяхоу Дунь смущенно поскреб затылок.

— Так когда в Лоян? Мы уже заждались. Не ровен час, кто-нибудь другой нас опередит, обидно будет!

— Знаю. Думаю, на днях. Нужно только дождаться вестей от Цзыляня.

Их разговор прервал прибежавший новобранец.

— Докладываю! Генерал, там просят аудиенции.

Сяхоу Дунь и Цао Цао переглянулись.

— Кто пожаловал?

— Человек назвался Сюнь Юй.

Сяхоу Дунь в шутку щелкнул по шлему солдата:

— Совсем ополоумел? Такие имена надо знать в лицо! Живо зови его!

— Ой... Да, сейчас!

Сяхоу Дунь покачал головой.

— Мальчишки... жизни не видели, бестолковые совсем.

— Ничего, — усмехнулся Цао Цао. — Главное, чтобы своего командира в лицо знал и в бою сторону не перепутал.

Оба рассмеялись, но Сяхоу Дунь тут же посерьезнел.

— Однако, что за спешка у господина Сюня? Обычно он ждет тебя в Поместье Цао.

Тревога, кольнувшая Цао Цао утром, вспыхнула с новой силой.

— Сейчас узнаем.

— Он явно к тебе. Пойду проверю другие посты.

Вскоре перед Цао Цао предстал Сюнь Юй. Пыль дорог покрывала его одежду, и, хотя он по-прежнему хранил облик благородного мужа, на лице его читалось крайнее смятение.

— Что случилось, Вэньжо? На тебе лица нет.

Почтительно поклонившись уходящему Сяхоу Дуню, Сюнь Юй с трудом перевел дух.

— Господин Цао... Си Чжицай при смерти. Говорят, надежды нет.

Цао Цао нахмурился, вцепившись в руку советника.

— Погоди. Кто, ты сказал, при смерти?

— Си Чжицай. Си Чжицай.

— Быть не может! — Цао Цао схватил Сюнь Юя за ворот, глаза его налились кровью от ярости и горя. — Он же совсем молод! Как он может умирать?! Он всего несколько лет у меня на службе, а ты говоришь — конец?!

— Господин... — Сюнь Юй, потрясенный этой вспышкой боли, пролепетал: — Прошу, успокойтесь. Давайте поедем к нему и сами всё увидим.

Встретившись со взглядом Сюнь Юя — кротким, но полным испуга, — Цао Цао осознал, что потерял лицо. Он медленно разжал пальцы и бережно расправил помятый ворот советника.

— Прости меня, Вэньжо. Не бери в голову.

— Я всё понимаю, господин.

Цао Цао зажмурился, пытаясь унять дрожь в руках, и коротко бросил:

— Веди.

Выйдя из дома Си Чжицай, Цао Цао пребывал в прекрасном расположении духа. Он хлопнул Сюнь Юя по плечу и рассмеялся:

— Ну и напугал же ты меня, Вэньжо! Я же говорил: Си Чжицай в самом расцвете сил, с чего ему помирать? Лицо у него было вполне бодрое. Увидишь, через пару дней на ноги встанет.

— Да, гора с плеч. Должно быть, я доверился пустым слухам. Прошу прощения, господин.

— О чём ты? Твоё сердце болит о моих талантах так же, как и моё.

Сюнь Юй скромно улыбнулся и сложил руки в поклоне.

— Час поздний, позвольте откланяться. О походе на Лоян договорим в другой раз.

— Ступай. И береги себя.

Глядя из окна повозки на удаляющийся силуэт Сюнь Юя, Цао Цао глубоко вдохнул ночной воздух, словно пытаясь удержать тонкий аромат, исходивший от советника. Спустя долгое

время он велел:

— Домой.

Выдалась на редкость прохладная ночь, разогнавшая душный зной последних дней. Цао Цао сидел в саду вместе с госпожой Бянь, забавляясь играми с маленьким А-Чжи. Ребенку шел четвертый год — самый чудесный возраст.

Эту идиллию прервал запыхавшийся слуга.

— Господин! Беда! Случилось страшное!

— Что такое? Успокойся и говори внятно.

— От Си Чжицая... прислали весть. Господин Си Чжицай... преставился.

Ветер качнул листву, и в сад бесшумно прокралась горечь.

<http://bllate.org/book/17368/1693016>